

УДК 81.432.1-51

С.Н. Плотникова

Концептуальные основания конструирования дискурсивных стратегий

В статье дается определение дискурсивной стратегии как унифицированного способа конструирования дискурса одного и того же типа, выделяемого по его концептуальным основаниям. Обосновывается интерактивная сущность дискурсивной стратегии по отношению к адресату и Другому.

Ключевые слова: дискурсивное конструирование; дискурсивная стратегия; дискурсивный концепт; адресат; Другой.

Дискурсивное конструирование как теоретическое понятие объединяет в себе различные параметры конструирования дискурса [6]. Целью данной статьи является анализ концептуальных оснований конструирования такого параметра дискурса, как его стратегичность.

Под концептуальными основаниями дискурса понимаются его концептуальные структуры и подструктуры, в частности подструктуры пространства и времени, которые считаются базовыми для медиадискурса [2: с. 32].

Дискурсивная стратегия определяется нами как унифицированный способ конструирования дискурса, которого человек преимущественно придерживается в процессе общения. Данное определение опирается на концепцию Э. Гоффмана, который впервые указал на то, что любое общение носит стратегический характер и что с помощью различных стратегий, например, таких как самопрезентация, такт, почтительность, самоуничижение, сговор, структурируются социальные ситуации [12]. В лингвистических терминах выражение в дискурсе такта, почтительности и пр. можно определить как реализацию говорящим или пишущим соответствующей дискурсивной стратегии.

Вместе с тем единичное языковое употребление не является маркером дискурсивной стратегии, которая являет собой нечто длящееся, конструируемое в течение определенного времени и реализуется в продолжающемся дискурсе одного и того же типа, выделяемого по его концептуальным основаниям.

В первую очередь таким основанием служит иллюкуция самого частотного в данном дискурсе речевого акта [7]. Например, если в дискурсе больше всего просьб, то и стратегия всего дискурса — просьба; если больше всего угроз, то говорящий реализует дискурсивную стратегию угрозы. Единичный речевой акт среди множества других речевых актов, например тактичное высказывание среди множества оскорблений, не влияет на общую реализацию дискурсивной стратегии (оскорбления). Стратегия предполагает сосредоточенность говорящего

на выражении определенного иллокутивного смысла и интенциональность говорящего, поскольку он хочет выразить именно этот смысл.

Таким образом, иллокутивный смысл высказывания / речевого акта, или смысл говорящего (*speaker meaning*) [13], общий для дискурса как связной последовательности речевых актов, можно терминологически обозначить как стратегический смысл говорящего и концептуальное основание реализуемой дискурсивной стратегии.

Если редуцировать иллокутивные смыслы говорящего (я прошу; я угрожаю, я оскорбляю и т. д.) до уровня концепта («просьба», «угроза», «оскорбление»), то такой концепт также можно рассматривать в качестве концептуального основания дискурсивной стратегии. Поскольку концепт имеет более широкую трактовку, чем иллокутивный смысл, использование этого термина углубляет представление о концептуальных основаниях дискурсивных стратегий, позволяя включить в их состав неограниченное множество когнитивных структур и подструктур, благодаря чему классификации дискурсивных стратегий могут быть самыми разнообразными.

Так, Ч. Бергер и К. Келлерман приводят следующие встретившиеся им в разных работах обозначения стратегий, выделяемых по центральному концепту дискурса: контроль над беседой (*controlling their conversation*), утешение других (*comforting others*), принуждение других к подчинению (*gaining compliance from others*), завоевание симпатии к себе со стороны других (*inducing others to like them*), убеждение (*persuasion*), поддержание дружбы (*maintaining the friendship*), сбор информации о других (*procurement of information about others*), завоевание благодарности (*ingratiation*) [11].

Можно привести и другие встречающиеся в теоретической литературе обозначения, например стратегия аргументации, власти, подчинения, неискренности, решения проблем, уклонения от участия в беседе, рекламной экспансии и т. д. Множественность и разноплановость классификаций не является их недостатком, поскольку каждый раз речь идет об особом интерактивном концепте, исходя из которого говорящий или пишущий строит свое взаимодействие с другими людьми.

Различие между иллокутивным смыслом и концептом как основаниями конструирования дискурсивных стратегий можно проиллюстрировать следующим примером:

Oscar. (Gets up taking key out of his pocket and slams it on the table). There's a key to the back door. If you stick to the hallway and your room, you won't get hurt. (Sits back down on couch).

Felix. I don't think I gather the entire meaning of that remark.

Оскар. (Встает, достает ключ из кармана и швыряет его на стол). Это ключ от черного хода. Если ты будешь передвигаться только по коридору и своей комнате, останешься цел. (Садится на диван)¹.

Феликс. Не думаю, что понял смысл этого замечания полностью.

¹ Здесь и далее перевод наш. — С. П.

Oscar. Then I'll explain it to you. Stay out of my way.

Felix. (Picks up key and moves to couch.) I think you're serious. I think you're really serious... Are you serious?

Oscar. This is my apartment. Everything in my apartment is mine. The only thing here that's yours is you. Just stay in your room and speak softly.

Felix. Yeah, you're serious. Well, let me remind you that I pay half the rent and I'll go into any room I want. (He gets up angrily and starts towards hallway.)

Oscar. Where are you going?

Felix. I'm going to walk around your bedroom.

Oscar. (Slams down newspaper.) You stay out of there.

Felix. (Steaming) Don't tell me where to go. I pay a hundred and twenty dollars a month.

Oscar. That was off-season. Starting tomorrow the rates are twelve dollars a day.

Felix. All right. (He takes some bills out of his pocket and slams them down on table.) There you are. I'm paid up for today. Now I'm going to walk in your bedroom. (He starts to storm off.)

Oscar. Stay out of there! Stay out of my room! (He chases after him. FELIX dodges around the table as Oscar blocks the hallway.)

Felix. (Backing away, keeping table between them.) Watch yourself! Just watch yourself, Oscar!

Oscar. (With a pointing finger.) I'm warning you. You want to live here, I don't want to see you, I don't want to hear you and I don't want to smell your cooking. Now get this spaghetti off my poker table.

Felix. Ha! Haha!

Оскар. Тогда я объясню. Не попадайся мне на глаза.

Феликс. (Берет ключ и идет к дивану.) Я думаю, ты это серьезно. Ты это серьезно?

Оскар. Это моя квартира. Все в моей квартире — мое. Единственная вещь здесь, которая принадлежит тебе, — это ты сам. Просто оставайся в своей комнате и говори тихим голосом.

Феликс. Да, ты серьезно. Хорошо, давай я тебе напомню, что я плачу половину аренды, и буду заходить в любую комнату, какую захочу. (Резко встает и направляется в коридор.)

Оскар. Куда ты идешь?

Феликс. Я собираюсь походить по твоей спальне.

Оскар. (Швыряет газету вниз.) Держись подальше оттуда.

Феликс. (Возмущенно.) Не говори мне, куда идти. Я плачу сто двадцать долларов в месяц.

Оскар. Это было прежде. Начиная с завтрашнего дня плата составляет двенадцать долларов в день.

Феликс. Хорошо. (Достает какие-то счета из кармана и бросает их на стол.) Вот. На сегодня я все заплатил. А сейчас я хочу прогуляться по твоей спальне. (Направляется туда.)

Оскар. Не входи туда! Не входи в мою комнату! (Преследует его. Феликс уворачивается, двигаясь вокруг стола, Оскар встает у него на пути.)

Феликс. (Пятясь, используя стол в качестве барьера.) Осторожно! Смотри в оба, Оскар!

Оскар. (Указывая пальцем.) Я предупреждаю тебя. Ты хочешь жить здесь, а я не хочу тебя видеть, я не хочу слышать тебя и не хочу чувствовать запах того, что ты готовишь. А сейчас убери эти спагетти с моего стола для покера.

Феликс. Ха! Ха-ха!

Oscar. What the hell's so funny?

Felix. It's not spaghetti. It's linguini! (*Oscar* picks up the plate of linguini, crosses to the doorway, and hurls it into the kitchen.)

Oscar. Now it's garbage! (*Paces around the couch.*)

Felix. (*Looks at OSCAR unbelievably.*) What an insane thing to do! You are crazy! I'm a neurotic nut but you are crazy!

Oscar. I'm crazy, heh? That's really funny coming from a fruitcake like you.

Felix. (*Goes to kitchen door and looks in at the mess. Turns back to Oscar.*) I'm not cleaning that up.

Oscar. Is that a promise?

Felix. Did you hear what I said? I'm not cleaning it up. It's your mess. (*Looking into kitchen again.*) Look at it. Hanging all over the walls.

Oscar. (*Crosses up on landing and looks at kitchen door.*) I like it. (*Closes door and paces right.*)

Felix. (*Fumes.*) You'd just let it lie there, wouldn't you? Until it turns hard and brown and ... yich. ... It's disgusting. ... I'm cleaning it up. (*He goes into the kitchen. Oscar chases after him. There is the sound of a struggle and falling pots.*)

Oscar. (*Off.*) Leave it alone! You touch one strand of that linguini — and I'm gonna punch you right in your sinuses.

Felix. (*Dashes out of kitchen with Oscar in pursuit. Stops and tries to calm OSCAR down.*) Oscar, I'd like you to take a couple of phenobarbital.

Oscar. (*Points.*) Go to your room! Did you hear what I said? Go to your room! [1: с. 15]

Oscar. Что здесь смешного, черт возьми?

Феликс. Это не спагетти, это лингвини! (*Оскар берет тарелку с лингвини, подходит к дверному проему и выбрасывает лингвини в кухню.*)

Оскар. Теперь это мусор! (*Расхаживает около дивана.*)

Феликс. (Недоуменно смотрит на Оскара.) Как безрассудно! Ты сумасшедший! Я — невротик, но ты — безумен!

Оскар. Я безумен, да? Смешно слышать это от такого чудака, как ты.

Феликс. (*Идет на кухню и смотрит на беспорядок. Поворачивается к Оскару.*) Я не буду это убирать.

Оскар. Это обещание?

Феликс. Ты слышишь, что я говорю? Я не буду это убирать. Это твой беспорядок. (*Снова заглядывает в кухню.*) Посмотри на это. Все повисло на стенах.

Оскар. (*Подходит к дверям кухни и заглядывает внутрь.*) Мне это нравится. (*Закрывает дверь и начинает ходить по комнате.*)

Феликс. (*Раздраженно.*) Ты не хочешь убирать это? Чтобы все это затвердело и испортилось... фу. ... Это отвратительно. ... Я уберу. (*Идет на кухню. Оскар идет за ним. Звуки борьбы и падающих кастрюль.*)

Оскар. (*За сценой.*) Оставь все, как есть! Попробуй, тронь что-нибудь, получишь по носу!

Феликс. (*Выбегает из кухни, преследуемый Оскаром. Останавливается и пытается его успокоить.*) Оскар, выпей пару таблеток феноталбита.

Оскар. (*Грозит пальцем.*) Отправляйся в свою комнату! Ты слышал, что я сказал? Отправляйся в свою комнату!

В дискурсе каждого из участников превалируют директивы: приказы, команды, вопросы, указания (*Stay out of my way. — Are you serious?; You stay out of there. — Don't tell me where to go; etc.*). Согласно выражаемому иллокутивному смыслу (*Я приказываю*), стратегию каждого участника можно назвать

стратегией приказа или прямого осуществления власти над собеседником. Однако приказы в данном случае производятся не столько с целью добиться выполнения требуемого физического действия (выйти из комнаты и т. д.), сколько с целью оскорбления собеседника, унижения его лица. Иными словами, прямые речевые акты директивы выступают здесь, в своем большинстве, косвенными экспрессивами — речевыми актами оскорбления. В дискурсе каждого участника присутствуют также прямые оскорбления в виде уничижительных номинаций (*You are crazy!* — *That's really funny coming from a fruitcake like you*), что делает данный речевой акт самым частотным и позволяет утверждать, что каждый из участников реализует дискурсивную стратегию оскорбления собеседника.

Переход от речеактового анализа к концептуальному анализу позволяет переформулировать обозначение реализуемой стратегии на более широкое и семантически емкое. Но прежде необходимо кратко охарактеризовать выбранный нами подход к пониманию концепта.

Мы принимаем положение В.З. Демьянкова о разграничении понятия и концепта. Понятия — то, о чем люди договариваются, чтобы иметь общий язык при обсуждении проблем, и логически дорабатывают. Концепты же существуют сами по себе, их люди реконструируют на основе наблюдений над употреблением тех или иных языковых единиц, обычно лексем, называемых реализациями концептов [5].

Мы также согласны с трактовкой лексического значения О.А. Сулеймановой и О.Г. Лукошус. Ее суть в том, что определение значения через понятие не представляется оправданным, но в то же время можно приравнять значение к концепту, особенно если речь идет об описании значения отдельного слова [10: с. 69].

Мы выдвигаем положение о том, что реконструкция концепта в дискурсе отличается от его реконструкции в языковой картине мира. Реконструкция языкового концепта имеет целью определение его содержания через анализ семантики вербализующих его языковых единиц на основе большого массива эмпирических данных. Образцом такого анализа служит реконструкция концепта *привлекательность* по употреблениям прилагательного *привлекательный* на материале большого корпуса текстов XVII–XXI вв. [5].

Что касается дискурсивного концепта, то его чаще всего невозможно реконструировать по непосредственным реализациям ввиду отсутствия таких реализаций в дискурсе. Так, в анализируемом примере не встречаются лексемы *order* (*приказ*), *power* (*власть*), *insult* (*оскорбление*). Реконструкция соответствующих этим лексемам дискурсивных концептов производится не путем лексико-семантического анализа, а при помощи процедуры инференции, логического вывода из всего содержания дискурса.

Дискурсивный концепт, являющийся основанием дискурсивной стратегии, выводится наблюдателем, реализующим действие *наблюдать* [8: с. 71].

Поскольку в непосредственной интеракции адресат не всегда может занять позицию стороннего наблюдателя, его осмысление и вербализация дискурсивного концепта собеседника часто происходит уже после завершения дискурса, например, в таких выражениях: *Это было оскорблением; Он меня оскорбил.*

Дискурсивный концепт выводится не из отдельных составляющих дискурсивных высказываний, а из всего дискурса как связного целого. Он представляет собой формулировку стратегической интенции говорящего (его основного намерения), сделанную на метауровне, т. е. фактически уже на уровне другого дискурса, с помощью которого осуществляется интерпретация исходного дискурса.

Следует выделить такой параметр, как множественность интерпретаций стратегического концепта говорящего. Она обусловлена тем, что в когнитивном пространстве языка концепты существуют не по отдельности, а в виде концептуальных систем [3].

Концептуальная система объединяет концепты, имеющие частично схожее содержание, уточняющие и дополняющие друг друга в пределах общего распределенного смысла. В анализируемом примере наблюдатель-интерпретатор имеет возможность обозначить интенцию говорящих не только с помощью лексемы *оскорбление*, значение которой, в принятой нами трактовке, соответствует концепту *оскорбление*, но и с помощью других лексем, значения которых соответствуют смежным с *оскорблением* концептам. Это лексемы: *враждебность, агрессивность, конфликт, ссора*. Иными словами, стратегию участников в анализируемом примере можно назвать не только стратегией оскорбления, но и стратегией враждебности, агрессии, конфликта, ссоры.

Таким образом, номинация стратегии одного и того же дискурса может меняться в зависимости от особенностей индивидуальной когниции наблюдателя. Но при этом индивидуальное осмысление наблюдаемой стратегии происходит в рамках одной и той же концептуальной системы, поскольку интерпретация как процесс распознавания выраженных смыслов опирается на типизированные схемы знаний [3: с. 11].

Продолжая анализ примера, следует обосновать необходимость термина «конструирование стратегии» в дополнение к термину «реализация стратегии». Основоположник теории стратегичности общения Э. Гоффман особо подчеркивает, что все человеческое общение стратегично; стратегии реализуются не только осознанно, но и на бессознательном уровне, в том числе еще не владеющими языком детьми и психически больными людьми [12]. В анализируемом примере зачинщик ссоры (Оскар) реализует свою стратегию осознанно, в то время как другой участник (Феликс) действует, в терминах Э. Гоффмана, реактивно, т. е. принимает без рационального размышления навязываемую стратегию. У данной ссоры есть «конструктор», который полностью осознает, насколько ему нужны его реплики, т. е. насколько они соответствуют его намерению (поссориться) и его неречевой цели (прервать договор о сдаче в аренду комнаты). Собеседник вынужден вступить в быстрый обмен репликами, не имея

возможности для их предварительного обдумывания, и попадает в ловушку. Он не пытается выяснить истинный замысел инициатора ссоры, не опровергает его позицию и не защищает свою (право остаться в квартире до окончания срока аренды), а принимает навязываемое поведение, заведомо ему невыгодное. Реплики, которые могли бы стать непредсказуемыми для инициатора ссоры, им не конструируются. Вместе с тем данную ссору нельзя назвать продуктом индивидуального конструирования. Производя необходимые для поддержания ссоры реплики, второй участник вовлекает себя в конструирование общей с инициатором дискурсивной стратегии.

Дискурсивная стратегия в ряде случаев конструируется во множестве текстов, составляющих дискурс определенного вида. В частности, «дискредитация политических образов и событийных лиц в массовом сознании является одной из доминирующих стратегий дискурса политики» [4: с. 44]. Как указывают Л.Г. Викулова и Н.В. Новиков, данная стратегия включает в себя ряд тактик (использование инвективов, навешивание ярлыков, ироничные сравнения).

В подобных, сквозных для множества текстов, стратегиях объединяющий их интерактивный дискурсивный концепт выражает основное намерение многих пишущих, которое, на наш взгляд, относится не к адресату, как в проанализированном выше примере, а к *Другому*.

Неравнозначность понятий адресата и *Другого* обоснована О.А. Сулеймановой. Их различие доказывается на примере академического дискурса, адресат которого — «коллектив ученых, с которым говорящий, привлекая коллег, взаимодействует в процессе создания речевых произведений» [9: с. 186]. Фигура *Другого* является более значимой, поскольку предполагает «непрерывный диалог с научным сообществом, с Другими, в ходе которого только и возможна академическая коммуникация и в процессе которого выкристаллизовываются и шлифуются гипотезы и теории» [9: с. 196–197].

Экстраполируя данные положения на понятие дискурсивной стратегии, можно сделать вывод, что в повседневном разговорном дискурсе стратегия конструируется для адресата, воспринимающего сообщение субъекта коммуникации, коррелятивного адресанту, отправителю сообщения. Однако в дискурсе, носящем идеологический характер и предназначенном массовому адресату, стратегия конструируется не для конкретного реципиента, а для *Другого*. Он выступает как позиция миропонимания, принятия точки зрения, субъективного мнения. Такой дискурс никому конкретно не адресован, но тем не менее находит адресатов в пространстве интерсубъективного понимания, готовых занять и принять предлагаемую мировоззренческую позицию *Другого*.

Библиографический список

Источники

1. Simon N. The Odd Couple: A Comedy in Three Acts. New York: Random House Publishing Group, 1966. 116 p.

Литература

2. Беляевская Е.Г. Конструирование концептуальных оснований медиадискурса: роль структур пространства и времени // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 31–34.
3. Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. «Филология. Искусствоведение». 2011. Вып. 60. № 33 (248). С. 11–16.
4. Викулова Л.Г., Новиков Н.В. Формирование негативного образа политика в массмедийном дискурсе: предметная сфера *спорт* // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 3 (19). С. 42–49.
5. Демьянков В.З. Прототип и реализации концепта «привлекательность» в русском языке // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. к юбилею Н.Н. Болдырева / под ред. Е.С. Кубряковой. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. С. 167–184.
6. Плотникова С.Н. Дискурсивное конструирование как теоретическое понятие // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 5. С. 41–46.
7. Плотникова С.Н. Стратегичность и технологичность дискурса // Вестник ИГЛУ. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2006. № 3. С. 87–98.
8. Сулейманова О.А. Семантическая роль имплицитного наблюдателя в модели предложения // Вестник МГПУ. Сер. «Теория языка. Теория межкультурной коммуникации». 2015. № 3 (19). С. 69–75.
9. Сулейманова О.А. Академический дискурс как непрерывный диалог с Другим // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия. М.: URSS, 2018. С. 180–198.
10. Сулейманова О.А., Лукошус О.Г. К вопросу о методике дискурсивного анализа // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия. М.: URSS, 2018. С. 62–82.
11. Berger C.R., Kellermann K. Acquiring social information // Strategic Interpersonal Communication / ed. by J.A. Daly, J.M. Wiemann. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1994. Pp. 5–41.
12. Goffman E. Strategic Interaction. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1969. 145 p.
13. Searle J.R. Mind, Language and Society. Philosophy in the Real World. N.Y: Basic Books, 1999. 175 p.

References*Istochniki*

1. Simon N. The Odd Couple: A Comedy in Three Acts. New York: Random House Publishing Group, 1966. 116 p.

Literatura

2. Belyaevskaya E.G. Konstruirovaniye konceptual'ny'x osnovanij mediadiskursa: rol' struktur prostranstva i vremeni // Kognitivny'e issledovaniya yazy'ka. 2017. № 30. S. 31–34.

3. *Boldy'rev N.N.* Interpretiruyushhaya funkciya yazy'ka // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Filologiya. Iskuststvovedenie». 2011. Vy'p. 60. № 33 (248). S. 11–16.
4. *Vikulova L.G., Novikov N.V.* Formirovanie negativnogo obraza politika v massmedijnom disкурсе: predmetnaya sfera *sport* // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 3 (19). S. 42–49.
5. *Dem'yankov V.Z.* Prototip i realizacii koncepta «privlekatel'nost'» v russkom yazy'ke // Konceptual'noe prostranstvo yazy'ka: sb. nauch. tr. k yubileyu N.N. Boldy'reva / pod red. E.S. Kubryakovoj. Tambov: Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, 2005. S. 167–184.
6. *Plotnikova S.N.* Diskursivnoe konstruirovanie kak teoreticheskoe ponyatie // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2014. № 5. S. 41–46.
7. *Plotnikova S.N.* Strategichnost' i texnologichnost' diskursa // Vestnik IGLU. Ser. «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya». 2006. № 3. S. 87–98.
8. *Sulejmanova O.A.* Semanticheskaya rol' implicitnogo nablyudatelya v modeli predlozheniya // Vestnik MGPU. Ser. «Teoriya yazy'ka. Teoriya mezhkul'turnoj kommunikacii». 2015. № 3 (19). S. 69–75.
9. *Sulejmanova O.A.* Akademicheskij diskurs kak neprery'vny'j dialog s Drugim // Diskurs kak universal'naya matricza verbal'nogo vzaimodejstviya. M.: URSS, 2018. S. 180–198.
10. *Sulejmanova O.A., Lukoshus O.G.* K voprosu o metodike diskursivnogo analiza // Diskurs kak universal'naya matricza verbal'nogo vzaimodejstviya. M.: URSS, 2018. S. 62–82.
11. *Berger C.R., Kellermann K.* Acquiring social information // Strategic Interpersonal Communication / ed. by J.A. Daly, J.M. Wiemann. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1994. Pp. 5–41.
12. *Goffman E.* Strategic Interaction. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1969. 145 p.
13. *Searle J.R.* Mind, Language and Society. Philosophy in the Real World. N.Y: Basic Books, 1999. 175 p.

S.N. Plotnikova

The Conceptual Framework for the Construction of Discourse Strategies

The article defines discourse strategy as a unified way of discourse construction. It is proved that discourse strategies arise out and are deducible from their underlying conceptual structures. The analysis has also shown that discourse strategies are of an interactional character in relation to the addressee and *the Other*.

Keywords: discourse construction; discourse strategy; discourse concept; addressee; *the Other*.